

V—VI вв., № 161 с V—VI вв. на VIII в., № 171 с VII—VIII вв. на VIII—IX вв. Плетеный колпак (№ 177, с. 43, 126) отнесен к V—IX вв. Судя по публикации Л. Дель Франча группы тканей из Ангино (1987 г.), которые хронологически определено укладываются в рамки V—VI вв. (здесь же были и схожие колпаки), варшавский памятник вполне можно датировать V—VI вв.

Выскажу свои соображения о трактовке изображений на нескольких коптских тканях, рассматривая их по нарастающей порядковых номеров. Номер 153 (с. 38, 110) — квадратная вставка V в. Краковского Народного музея с широко распространённым в коптском ткачестве сюжетом: полубоженный воин готов пронзить мечом колени опрочленного, со связанными за спиной руками молодого мужчину. Сюжет этот трактовался по-разному: Персей убивает Медузу; Ахилл расправляется с троянцем на могиле Патрокла; умерщвление Астерием пленного индуса на могиле Офельта (на античном материале этот ряд можно продолжать), наконец, Авраам приносит в жертву Исаака. Кристина Мочульская выдвинула новое предположение — воспроизведена казнь популярнейшего в Египте св. Мины. На наш взгляд, общий характер и отдельные детали изображений на подобных памятниках (отсутствие нимбов, полубоженность персонажей, их молодой облик и т. п.) исключают возможность связывать их с христианством. Скорее всего, в таких сценах следует видеть ритуальное убийство, связанное с мифологической, литературной или реальной исторической, бытовой, религиозной античной основой. Подобные сцены правильнее было бы называть «сценами жертвоприношений», не ища в них конкретных персонажей. В христианскую пору мастера воспользовались иконографическим изводом этой сцены для изображений жертвоприношения Исаака, отсечения главы св. Мине и т. д.

Номер 170 (с. 42, 121) — часть рукава с двумя нашитыми вставками-полосами VII—VIII вв. (Краков, Народный музей). На одной из вставок вытканы две человеческие головы с открытыми глазами. Такие изображения не единичны в коптском ткачестве, но до сих пор никак не объяснены. Предлагаем свою интерпретацию этого мотива, имеющего, как нам кажется, глубокое символическое значение. У многих народов отрубленной голове, сосредоточию важнейшей жизненной силы организма, божественному заместителю возрождающейся силы, припи-

сывалась волшебная мощь. Этот образительно-символический мотив служил эмблемой, указывавшей на хтонический характер композиций, в которых он был представлен. Не исключено, что под влиянием ближневосточных представлений этот воспринимался и как указатель пути духовного постижения «скрытой тайны».

Номер 171 (с. 42, 122) — нарукавная вставка-полоса VIII—IX вв. (того же собрания) с изображениями птиц, людей, фантастических существ. Аналогий этому памятнику около десятка. К. Мочульская в изображенных здесь двух парах птиц с человеческими головами видит гарпий. Учитывая, что эти памятники создавались в Египте, нам кажется, уместнее видеть в этих изображениях не гарпий (и сирен, как предполагали другие специалисты), а *ба* — древнеегипетские олицетворения душ усопших, представлявшихся в виде птицы с головой человека; когда человек умирает, *ба* отлетала от него.

Последний памятник, на котором мы остановимся, хранится в Народном музее в Варшаве (№ 173, с. 42—43, 123). Он представляет собой лицевую сторону фрагментированной туники VI—VII вв. с двумя вертикальными полосами-клавами. На левом клаве сохранилось восемь, на правом — одиннадцать медальонов, в каждом из которых, по определению Э. Лоренц, «стоит нагой мужчина». Аналогичные клавы (правда, с двумя-тремя медальонами) хранятся в Пражском музее прикладных искусств (№ 1239, 1240) и в Лувре (№ X 4499, X 4315). Они позволяют видеть в «стоящем нагом мужчине» Геракла, совершающего подвиги. Варшавская ткань интересна тем, что на ней сохранилась почти полностью цикл подвигов популярного в Египте античного героя, что позволяет провести сопоставление с изображением подвигов Геракла на тканях-двойниках V в. из Эрмитажа и музея Метрополитен в Нью-Йорке.

В заключение отметим, что в тексте встречаются досадные опечатки. На с. 87 вверху неверно указан номер иллюстрации 86, нужно — 98. При том что полиграфическое качество издания желало бы быть лучше, значение издания в коптологической науке трудно переоценить — специалисты получили возможность ознакомиться с большим числом впервые публикуемых памятников, многие из которых уникальны. Наверняка это издание заинтересует и широкого читателя, интересующегося историей, культурой, искусством Египта и Нубии христианской эпохи.

А. Я. Каковкин